

Его вечность — в юности

Вот так пролетают вена. Завтра исполняется 100 лет со дня рождения Джека Лондона.

Писатель принадлежит истории. Впрочем, так можно сказать о каждом, кто творил до нашего времени. Принадлежит ли он современности? И если да, то в какой мере?

Еще Эптон Синклер отмечал огромную международную популярность Джека Лондона, в частности, в Швеции и России. Про Швецию не скажу, а в нашей стране он и сегодня любим и читаем. Но ведь и популярность за рубежом может иметь больше одного смысла.

Листая каталог Нью-Йоркской публичной библиотеки, я с невольной гордостью отметил, как много в библиографическом разделе, посвященном жизни и творчеству Джека Лондона, имен советских литературоведов и критиков, за исключением соотечественников писателя, едва ли не больше, чем всех других вместе взятых. Но зато скольким из свежих американских публикаций обнаружить не удалось. В Америке к Лондону теряют интерес. Почему?

Конечно же, сегодняшняя действительность Америки разительно отличается от той, которую писал Джек Лондон. Где сейчас Клондайк с его золотомисателями, где нехоженые тропы, которыми бросают вызов мужественные одиночки? Сейчас, когда другие лихорадки сотрясают амери-

канское общество, все это выглядит даже не историческими, а литературными реминисценциями — почти миражами. Не очень точные оказались социологические прозрения писателя, не так универсальны открытия в безбрежной области души человеческой.

Ну и что? Время уготовило Джеку Лондону другую судьбу, пусть даже не совсем ту, на которую он сознательно рассчитывал.

При жизни писателя критики отмечали, что с его творчеством романтизм американской литературы XIX века поспорил, приобрел более реалистические черты. Это верно. Но сегодня справедливо будет сказать нечто противоположное. Лондон стремился быть реалистом. Но вечности заступил несправедливым романтизмом своего идеала.

В конце концов, ведь не давным-давно и под метелию выбранными золотыми жилами дорог нам Клондайк Джека Лондона — как справедливо говорили в детстве «жила долго не живет», — а бесценной россыпью вдохновляющих человеческих характеров.

Север Джека Лондона поражает «ериховской» чистотой и определенностью красок. И это не столько характеристика природы, сколько этических взглядов писателя. Величие и бескомпромиссность Белого Безмолвия требуют величия Человека, осмелившегося ступить в него, неизбывной веры в себя, неустрашимости верного товарищества. Уже и через Аляску легла промышленная нитка нефтепровода. Но разве пропала нужда в человеческом мужестве и благородстве? Быть может, в шумном городе, сложных конфликтах общественной жизни человек еще больше нуждается в этих качествах, чем в снежной пустыне.

Устаревает быт, но сказка остается. Сказание о жажде жизни, о преодолении обстоятельств и себя, баллада о человеке и волке переживает многие поколения молодых.

Нью-Йорк.
4 Комсомольская пр. Вдх, 1976, 11 янв В
Джек ЛОНДОН:

«ХОЧЕШЬ БЫТЬ ВЕЛИКИМ, БУДЬ ПРАВДИВЫМ»

Из писем к дочери

Глен Эллен, Калифорния.
24 авг. 1913 г.

Дорогая Джоан!
Я чувствую себя слишком несчастным, чтобы писать это письмо за столом. Я пишу его, сидя в постели.

Во-первых, пожалуйста, запомни, что я твой отец. Я кормил тебя, одевал, давал тебе кров, любил тебя с первого твоего дыхания. Мое отцовское сердце полно любви к тебе.

...Джоан, дочь моя, пожалуйста, знай, что мир принадлежит людям честным, людям верным, людям правым, людям, которые высказываются прямо, и что мир не для тех, кто отмалчивается, кто своим молчанием лжет и обманывает и делает посмешище из любви...

Папа.

29 авг. 1913 г.
Дорогая ты моя, Джоан!
Это мой ответ на твое письмо от 25 авг. 1913 г.

Нет, я не могу ни «увидеть», ни «понять»...

...Запомни, что правда величайшая в мире вещь. Хочешь быть великим, будь правдивым. Если ты подавляешь правду, если ты прячешь правду, если ты не поднимаешься и не высказываешься начистоту на собраниях, если, выступая, ты говоришь не всю правду, тогда ты менее правдив, чем правда, и настолько ты менее велик...

...Со всей любовью Папа.

5 сент. 1913 г.
Но дорогая моя дочь, Джоан!

Для правды не важен ни возраст, ни юность, ни то, кому-то двенадцать лет.

Когда Двенадцатилетняя Дочь говорит своему Папе: «Разве ты не понимаешь?», это

значит, что в глубине ее сердца таится некая правда, которую, она надеется, ее Папа должен знать.

Так вот я, твой Папа. Я хочу знать. Что это такое, что ты знаешь? И что ты думаешь, я должен знать, и что я хочу знать? Скажи мне.

Разве ты не видишь, дорогая моя дочь Джоан, что с Правдой нельзя играть в прятки. Любая игра с Правдой — ложь и обман.

Правда требует, если ты намереваешься вести себя достойно, то в твоих взаимоотношениях с ней ты должен быть чист, как ясное небо, честен, как зимняя стужа, прям, как лезвие отточенного кинжала...

...Как только ты подрастешь настолько, чтобы пользоваться Правдой, то уже вырос достаточно, чтобы быть правдивым...

...Ты знаешь, Джоан, просто говорить правду в этом мире настолько легко, что я часто поражаюсь, откуда вокруг так много людей настолько безумно глупых, настолько безнадёжно тупых, что они пытаются утаить правду...

Папа.

P. S... Запомни, что живые, но бежавшие от правды, не более чем непогребенные мертвецы, которые только отравляют чистую землю смрадом своего присутствия.

4 февр. 1915 г.

Дорогая Джоан!
Ты ходишь в старую оклендскую школу на Двенадцатой улице? Если да, то, пожалуйста, запомни, что я подметал каждый класс, каждое помещение этой старой школы — с чердака до подвала. А также на протяжении двух четвертей ежедневно, когда шли занятия, я поднимал американский флаг на крыше здания выше упомянутой средней школы. Однажды потехи ради пройди как-нибудь вокруг массивного здания школы, загляни во все ок-

В слове «молодость», мне кажется, ключ к феномену Лондона. Он писал молодость своей страстью, временем, когда оставалось еще место для пикантерий и первооткрывателей и не было еще речи о засилье рантье, о научно-технической революции и авторитета профессоров... Он писал молодость огромного и прекрасного края, «суровую юность Севера», если пользоваться его собственным выражением... Он писал молодость своих героев, даже если они были стариками, что, впрочем, большая редкость у Лондона. Становление человека, равное возмужанию — его излюбленный сюжет... Но самое главное, пожалуй, то, что только в юности можно так свято и беззаветно верить в простые человеческие ценности, проповедь которых пронизывает лучшие произведения Джека Лондона.

Он умер молодым. Из столетия, которое мы отмечаем, он прожил всего 40 лет. Столкновения со «зрелостью» он не выдержал, что стоило ему обидных заблуждений и в конечном счете, возможно, самой жизни.

Время, однако, великодушно к истинным талантам. Оно не прощает ошибок, но ценит прежде всего за достигнутую высоту.

Джек Лондон остается с нами молодым и для молодых.

Из довольно толстого тома переписки Джека Лондона я выбрал для перевода несколько писем дочери. В них, как мне кажется, хорошо видна личность писателя — сильные его черты и некоторая противоречивость если не взглядов, то характера. Сокращения минимальные. Естественно, что в письмах, которые предназначались вовсе не широкой публике, не все в данном случае представляет общественный интерес.

А. ПУМПУАНСКИЙ.
(Наш соб. корр.).

Нью-Йорк.